
Константин КОМАРОВ

* * *

Завершившие дело часы
прячут стрелки, как ствол в кобуру.
Дни скулят, как побитые псы,
и хромают в свою конуру,

где их ждет невесомая кость,
«Педигри» и другая фигня.
Сновидений серебряный гвоздь
ночь по шляпку вбивает в меня.

Прячет тайны сознания тайга,
как кладовка — печальных детей.
А проснешься — сплошные снега
и ячейки воздушных сетей.

И опять гиблой жизни не скрыть,
словно скатерть — за край со стола.
Так перо псевдоангельских крыл
с голубиноного льется крыла.

Так за князем шатается казнь
и резиною пахнет резня.
Боже мой, только смертью не крась
этот утренний новый сквозняк...

* * *

Подняв свое измученное тело,
как из капкана вылезшая мышь,

Константин Маркович Комаров родился в 1988 году в Свердловске. Поэт, литературный критик, литературовед. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук (тема диссертации «Текстуализация телесности в послереволюционных поэмах В. В. Маяковского»). Автор литературно-критических статей в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Лонг-листер (2010, 2015) и финалист (2013, 2014) премии «Дебют» в номинации «эссеистика». Лонг-листер поэтических премий «Белла» (2014, 2015), «Новый звук» (2014), призер поэтических конкурсов «Критерии свободы» (2014), «Мыслящий тростник» (2014). Участник Форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2010, 2011, 2012, 2014, 2015). Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Урал», «Гвидеон», «Нева», «Новая Юность», «Волга», «Бельские просторы», «День и ночь», различных сборниках и альманахах, на сетевом портале «Мегалит», в антологии «Современная уральская поэзия» и др. Автор нескольких книг стихов. Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живет и работает в Екатеринбурге.

по Малышева шляясь ошалело,
ты думаешь: все кончено, малыш...

Не поняли тебя, не оценили,
прогнав метафизическим пинком...
В унынье ты заходишь в пиццу мию,
заказываешь крылышки с пивком...

И ешь, и пьешь, и пожинаешь лавры
беспечного похода напролом,
и веришь в то, что не ошибся в главном,
и брошенному Богу бьешь челом...

Но на пустой стакан нахмутив брови,
себя одернешь в нужном падеже:
ты столько лет по Малышева бродишь,
свернул бы на Восточную уже...

* * *

Они такие люди,
полно таких людей,
они девичьи груди
кольшут без затей.

Ты к ним придешь с бутылкой
и станешь танцевать,
истопчешь все ботинки
и свалишься в кровать.

Проснешься, ополоскан,
как стайей мотыльков,
почти что вавилонским
смешеньем языков.

И, выгнанный наутро,
ты выгонишь нутро
в заплыванную урну
у ближнего метро.

Пойдешь своей дорогой,
она пойдет тобой —
насмешливой, убогой,
беспочвенной судьбой.

И будет то, что будет —
не воля, не покой.
Они — другие люди.
А ты им кто такой?..

* * *

Хотелось мне во все вселяться,
любую ипостась трясти,
но эта дикая всеядность —
не есть высокий артистизм.

Так много масок в мире оном,
и на любой из них — хитин,
но просто быть хамелеоном,
когда ты сам — невоплотим

в свою возможную, немую,
неодинаковую плоть,
как строчка — в линию прямую,
которую не побороть.

Но я от этого — оттерся,
чужие звуки — бью под дых
и удовлетворен — актерством
на гиблых сценах проходных,

где реплики воняют кровью
и монолог висит соплей;
и если я себе не ровня, —
то поравняюсь хоть с землей —

бугристой, мокрой и неровной,
следящей пристально за мной.

ЯСОН УСНУВШИЙ

Бывает благодатный сон —
измученному духу яство —
подобным сном уснул Ясон,
ему уже все было ясно.

Он сделал все. И ничего
не предъявлял судеб сплетенью,
сам, как родной его «Арго»,
став только остовом и тенью.

Свет златорунный годы тьмы
закрыли. Этой тьмой влекомый,
Ясон уснул в тени кормы,
до каждой трещинки знакомой.

День раскалялся добела,
но не колхидские метели,

а только детские тела
у неподвижных ног Медеи

истмляли мозг. И тишина
накрыла Истм с головою.
Смерть деревянная одна
пришла воздать свое герою.

И вниз низринулось бревно,
понять ли — въяве или снится...
Душа же умерла давно
под той проклятой колесницей...

* * *

Так воеет один в поле воин
на лунных лучей вермишель,
так в тире тире пулевое
связует стрелка и мишень.

Но ты продолжаешь смерть — тайно —
впускать в свои гулкие сны,
что будут потоком сметанным
дневным навсегда сметены.

Лежит за оврагом коврига,
стоит за ковригой овраг,
и неперечтенную книгу
ласкают ворсинки ковра.

Струится ночная аллея,
метет ледяная пурга,
и путник целует оленя
в его золотые рога.

И тянет, как пьяниц к спиртному,
как самоубийцу в окно,
вещать, что по мозгу спинному
идет нефтяное пятно

нечаянной вечности вздорной
и непогрешимой любви —
в дыханье расплавленным вздохом
ты их, если можешь, лови —

в потоке раскаяний мутных,
в печальной и дикой мольбе,
и Бога смотри, словно мультик,
приснившийся в детстве тебе.